

Недоверие как основание отвода

Аннотация. Традиционно основаниями отвода считаются установленные в ходе уголовного судопроизводства объективные обстоятельства, исключающие участие в уголовном процессе определенных субъектов независимо от усмотрения и волеизъявления сторон. В статье обосновывается, что предусмотренные ч. 2 ст. 61 УПК РФ в качестве основания отвода судьи и других лиц «иные обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела», не предполагают обязательного установления заинтересованности, достаточно наличия обстоятельств, дающих основание полагать ее существование. Именно в таком толковании закона реализуется генеральная идея, положенная в основу института отвода, — обеспечение доверия к составу суда. Игнорирование недоверия к составу суда как основания отвода ведет к нарушениям законности при разрешении отводов при возникновении межличностного конфликта в суде, при установлении корпоративной связи стороны с составом суда, при реализации института отказа от защитника и пр.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебное разбирательство; судья; состав суда; отвод; самоотвод; основания отвода; обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве; отказ от защитника; доверие к суду; объективность и беспристрастность.

Для цитирования: Таран А. С. Недоверие как основание отвода // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 5. — С. 139–147. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.139-147.

Mistrust as Grounds for Recusation

Antonina S. Taran, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara University
Moskovskoe sh., d. 34, Samara, Russia, 443086
topsikt@mail.ru

Abstract. Traditionally, the grounds for recusation are objective circumstances established in the course of criminal proceedings, which exclude the participation of certain subjects in the trial, regardless of the discretion and expression of the will of the parties. The paper substantiates that "other circumstances giving grounds to believe that they are personally, directly or indirectly, interested in the outcome of this criminal case" provided for by Part 2 of Art. 61 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a basis for challenging a judge and other persons do not imply the mandatory establishment of interest, it is enough that there are circumstances giving grounds to believe its existence. It is in this interpretation of the law that the general idea underlying the institution of recusation is realized, i.e. ensuring confidence in the composition of the court. Ignoring mistrust in

© Таран А. С., 2021

* Таран Антонина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева Московское ш., д. 34, г. Самара, Россия, 443086
topsikt@mail.ru

the composition of the court as a basis for recusation leads to violations of the law when resolving recusations in the event of an interpersonal conflict in court, when establishing a corporate relationship between a party and the composition of the court, when recalling a defense attorney, etc.

Keywords: criminal procedure; trial; judge; composition of the court; recusation; recusal; grounds for recusation; circumstances precluding participation in criminal proceedings; recall of defense attorney; court credibility; objectivity and impartiality.

Cite as: Taran AS. Nedoverie kak osnovanie otvoda [Mistrust as Grounds for Recusation]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(5):139-147. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.139-147 (In Russ., abstract in Eng.).

«Вы суду доверяете?» — этот вопрос звучит лейтмотивом процедуры отвода в судебном разбирательстве. Доверие к составу суда является предпосылкой восприятия сторонами решения, вынесенного по итогам рассмотрения дела, как законного и справедливого. Причем в контексте ст. 266 УПК РФ суд понимается в самом широком смысле: как весь состав суда, который объявляется в подготовительной части судебного разбирательства, включая и судей, и прокурора, и защитников, и представителей, — всех тех, кому по закону может быть заявлен отвод. Бесспорно, доверие является базовой составляющей отношений адвоката и доверителя (как подсудимого, так и потерпевшего). Должно быть доверие к лицу, которому поручается произвести экспертизу и осуществлять перевод. Значительную роль имеет доверие к лицам, которые поддерживают обвинение и тем более выносят окончательное решение — в виде признания виновным и назначения наказания, т.е. к судьям.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ к основаниям отвода относит ряд факторов: родство с участником процесса, обладание по данному делу иным процессуальным статусом в настоящем или прошлом, некомпетентность и пр. (ст. 61, 63, ч. 2 ст. 69, ч. 2 ст. 70, ч. 2 ст. 71, ч. 1 ст. 72). Перечисленные в законе основания отвода — объективные обстоятельства, имеющие

императивный характер, то есть действующие независимо от чьего-либо пожелания. Напрашивается парадоксальный вывод, что если само существование института отвода обусловлено необходимостью обеспечения доверия к составу суда, то недоверие к нему может быть обосновано только вот этими, объективными факторами, действующими независимо от усмотрения сторон. Так ли это?

Отметим, что перечень оснований отвода судьи, прокурора, следователя и дознавателя является открытым: ими выступают «и иные обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела» (ч. 2 ст. 61 УПК РФ). Аналогом этой нормы в гражданском процессе является положение п. 3 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ, называющее в числе оснований отвода судьи «иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его объективности и беспристрастности»¹.

Анализируемое нормативное предписание было известно еще УПК РСФСР (п. 3 ч. 1 ст. 59)². Его традиционно трактуют как указание на дополнительные обстоятельства, не охваченные установленным в законе перечнем, но так же, как и они, выявляющие реальную заинтересованность судьи в уголовном деле: «Под иными обстоятельствами, дающими основание считать лицо лично, прямо или косвенно заинтере-

¹ Сравнительный анализ положений, регламентирующих отвод судьи в «процессуальных» отраслях отечественного права, проводился современными учеными (см.: *Гаспарян И. С.* Отвод в судопроизводстве (теория и систематизированная практика) : в 2 кн. М. : Федеральная палата адвокатов, 2012. Кн. 1. С. 23–26 ; *Шарипова А. Р.* Отвод судьи. Насколько оправданы межотраслевые различия? // *Евразийская адвокатура*. 2017. № 4 (29). С. 81–85).

² Оно критиковалось еще тогда за недостатки формулировки (см.: *Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А.* Проблемы судебного права / под ред. В. М. Савицкого М. : Наука, 1983. С. 163–164).

ресованным в данном деле, следует понимать, например, служебную зависимость, подконтрольность, подотчетность, вражду, дружбу и т.п.»³. В том же ключе раскрывают «иные обстоятельства» авторы другого комментария к УПК РФ, относя к ним «наличие... с кем-либо из участников производства дружеских или неприязненных отношений, отношений соподчинения по службе или финансовых отношений. Личная заинтересованность в исходе дела может порождаться чувствами зависти, мести, страха, вины и т.п.»⁴.

На наш взгляд, на самом деле имеются существенные различия между основаниями отвода по ч. 1 и по ч. 2 ст. 61 УПК РФ. Использованный законодателем термин «дающие основание полагать...», как и «вызывающие сомнение...», говорит именно о субъективном, личном восприятии заявителем отвода тех или иных обстоятельств как свидетельства пристрастности судьи в процессе. Если какие-то данные дают лицу, дело которого рассматривается, основания для мнения о заинтересованности участника процесса, тем более ведущего уголовный процесс и принимающего по нему властные процессуальные решения, то последний должен быть отведен. Причем независимо от того, есть ли на самом деле эта заинтересованность и независимо от ее доказанности. Достаточно того, чтобы были обстоятельства, которые «дали основания полагать» или «вызвали сомнения». Если вольно или невольно судья своими словами, поступками, какими-то отношениями и пр. дал повод для мнения о своей заинтересованности, то эти перечисленные обстоятельства сами по себе (а не только его доказанная заинтересованность) должны служить основанием принятия решения о его отводе.

Заметим, что Гражданско-процессуальный кодекс РФ прямо разводит заинтересованность судьи и «иные обстоятельства, вызывающие со-

мнения в его беспристрастности», ставя между нами союз «либо» (п. 3 ч. 1 ст. 16).

Обращаясь к истории отечественного уголовного процесса, заметим, что в дореволюционной России Уставы уголовного судопроизводства (ст. 600) и Уставы гражданского судопроизводства (ст. 667) содержали исчерпывающий закрытый перечень оснований отвода судьи. Аналога современной анализируемой нормы об «иных обстоятельствах» не было.

Однако уже в то время наука говорила о необходимости учета такого фактора, как доверие к суду. Так, Е. А. Нефедьев указывал, что наряду с установленными в Уставах, необходимо признать основаниями отвода положения иного рода, вытекающие из недоверия к судье. Он назвал основанием отвода нахождение судьи под подозрением и доказывал его существование, приводя примеры ситуаций, которые формально не вписывались в рамки закона, но, по сути, исключали возможность участия судьи в деле и в которых судья был отведен⁵. На наш взгляд, часть 2 ст. 61 УПК РФ — это как раз и есть та норма, которая призвана обеспечить реализацию идеи недопустимости участия в уголовном процессе лица «под подозрением».

То, что основания отвода судьи, предусмотренные в ч. 1 и 2 ст. 61 УПК РФ, различаются по своей сути, доказывает существование ч. 2 ст. 64 УПК РФ. Законодатель предписывает, что отвод судье должен заявляться до начала судебного следствия, а после — только в случае, если основание для него ранее не было известно стороне. Если считать, что все основания отвода судьи исключают его участие в производстве по делу безотносительно к волеизъявлению субъектов уголовного процесса, то существование этой нормы бессмысленно. Так, факт родства судьи, как и любое другое обстоятельство, предусмотренное ч. 1 ст. 61 УПК РФ, повлечет отмену приговора как постановленного незаконным

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. В. И. Радченко ; под ред. В. Т. Томина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 1999. С. 121.

⁴ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. М. : Юрайт-Издат, 2007. С. 509.

⁵ Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М. : Типография Императорского Московского университета, 1909. С. 56.

составом суда независимо от того, когда сторона о нем узнала и когда о нем заявила. Другое дело — если мы будем трактовать обстоятельства, установленные ч. 2 ст. 61 УПК РФ, через призму доверия к составу суда. Если стороне известны «иные обстоятельства», то о своих подозрениях она должна заявить как можно раньше, не откладывая этот вопрос на более поздний срок. В противном случае только доказанная заинтересованность судьи в исходе дела будет иметь процессуальные последствия. Этим требованием ч. 2 ст. 64 УПК РФ сбалансированы право сторон на рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом и принцип процессуальной экономии, и только при такой трактовке оснований отвода, предусмотренных ч. 2 ст. 61 УПК РФ, оно приобретает смысл.

Сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что основания отвода и основания самоотвода — не идентичные понятия. УПК РФ указывает, что при наличии предусмотренных законом оснований субъекты, подлежащие отводу, обязаны уклониться от участия в производстве по данному делу (ч. 1 ст. 62). Ошибочно на основании этой нормы делать вывод о том, что суд заявляет самоотвод при наличии тех же обстоятельств, в связи с которыми ему может быть заявлен отвод. На самом деле основания отвода шире оснований самоотвода, что обусловлено существованием нормы про «иные обстоятельства, дающие основание полагать...» (ч. 2 ст. 61 УПК РФ).

Отождествление оснований самоотвода и отвода приводит к тому, что судья отказывает в удовлетворении заявленного ему отвода, ориентируясь на то, есть ли у него в конкретном деле обязанность по самоотводу. При таком подходе удовлетворяя отвод, судья как бы констатирует, что основания для самоотвода имелись, что он на самом деле предвзят, тем самым удовлетворение судьей заявленного ему отвода воспринимается как невыполнение им обязанности по самоотводу⁶. Такая установка приводит к ошибочному неудовлетворению заявленных

отводов. Иной подход позволяет считать, что судья вышел из процесса не потому, что признал свою заинтересованность в деле, не потому, что она существует в действительности, а потому, что у заявителя отвода в силу определенных обстоятельств возникло обоснованное основание для недоверия.

На наш взгляд, недооценка недоверия как основания отвода — проблема отечественной судебной системы на всех уровнях. Проиллюстрируем это делом гражданина С. В. Овчинникова, обратившегося в Конституционный Суд РФ, где он не нашел поддержки.

В ходе судебного разбирательства в отношении С. В. Овчинникова и других в адрес единолично рассматривавшего уголовное дело судьи одним из подсудимых были высказаны оскорбительные слова и выражения с применением грубой нецензурной брани (впоследствии он был осужден за неуважение к суду). Таким образом, в процессе рассмотрения дела, как указывал С. В. Овчинников, судья фактически являлся потерпевшим по другому процессу и был заинтересован в исходе рассматриваемого дела, предвзято относился к подсудимым. В удовлетворении заявленного ему отвода судья отказал, а постановлением судьи Верховного Суда РФ от 03.02.2017 в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции Овчинникову было отказано с разъяснением, что какие-либо обстоятельства, исключавшие участие конкретного судьи в производстве по уголовному делу, отсутствовали.

Конституционный Суд РФ указал Овчинникову, что «поведение обвиняемого, расцениваемое как неуважительное и оскорбительное по отношению к участникам уголовного судопроизводства, не является презумпцией их личной заинтересованности в исходе уголовного дела, свидетельством возникновения у них предвзятого подхода к рассмотрению в дальнейшем не только уголовного дела в целом, но и иных возникающих в ходе производства по делу во-

⁶ Это ошибочное отношение к отводу критикуют профессора Ю. В. Дерихев и В. Е. Краснов (см.: *Дерихев Ю. В., Краснов В. Е. Отвод судьи как гарантия справедливого уголовного правосудия // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 4. С. 86*).

просов, а также препятствием для заявления сторонами отвода судье и устранения этого судьи от участия в деле, если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе дела, или принимаемые им решения позволяют сделать вывод о его необъективности и предвзятости. Кроме того, соблюдение принципа беспристрастности участников судебного заседания гарантируется всей совокупностью уголовно-процессуальных средств, включая контроль за объективностью разрешения уголовных дел со стороны вышестоящих судебных инстанций...»⁷. Безусловно, доводы Конституционного Суда РФ авторитетны, логичны и весомы. Но давайте признаем, что заинтересованный судья как раз будет максимально стараться не дать формальных поводов для упреков в предвзятости, а ссылка на контроль вышестоящих инстанций формально бесспорна, но фактически кажется безупречной по многим причинам, в том числе из-за неэффективности. Чем заведомо обречь дело на пересмотр вышестоящей инстанцией, не будет ли процессуально экономичнее удовлетворить отвод судье, заявленный в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции? В ситуации очевидного конфликта между судьей и подсудимым, как и при других обстоятельствах, дающих основание для недоверия к судье, отказ в удовлетворении отвода, стремление судьи во что бы то ни стало остаться в процессе и рассмотреть дело по существу вызывает еще большее к нему недоверие и эскалирует конфликт.

Помимо конфликтных отношений, сложившихся с судьей непосредственно в судебном процессе, недоверие к суду может быть вызвано многими другими факторами, исчерпывающий перечень которых дать по объективным причинам невозможно. Например, это неприязненное

отношение к судье, обусловленное предыдущим осуществлением им судебных полномочий в отношении подсудимого по другому делу.

Так, согласно Обзору практики рассмотрения федеральными судьями заявленных отводов и самоотводов при рассмотрении судебных дел от 27.02.2018 «судьей Ленинского районного суда г. Тамбова при разбирательстве уголовного дела в отношении Г. рассмотрено и оставлено без удовлетворения заявление подсудимого об отводе по мотивам, что ранее этим судьей в отношении него постановлен обвинительный приговор, с которым он был не согласен, а также в связи с непредоставлением судьей подсудимому времени для конфиденциальной встречи с защитником.

Судьей по одному из уголовных дел заявлен самоотвод в связи с тем, что ранее этот судья принимал участие в рассмотрении уголовного дела в отношении этого же лица в качестве государственного обвинителя, судимость по тому приговору погашена не была»⁸.

Эти примеры с сохранением последовательности изложения в первоисточнике взяты из Обзора, составленного членом Совета судей России, членом комиссии по реализации мероприятий противодействия коррупции, урегулированию конфликта интересов во внеслужебных отношениях и при исполнении судьями своих полномочий, председателем суда Еврейской автономной области В. В. Старецким. Подчеркнем, что в приведенных примерах при установлении весьма сопоставимых обстоятельств первый судья не удовлетворяет заявленный отвод, которым ему выражено недоверие, а второй считает свое участие в деле недопустимым, хотя ему отвод не заявлялся. Это свидетельство несовершенства судебной практики по трактовке «иных обстоятельств», обуславливающих недоверие к суду как основание его отвода, наличия

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 20.04.2017 № 828-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Овчинникова Станислава Валерьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 61 и частью четвертой статьи 65 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁸ Обзор практики рассмотрения федеральными судьями заявленных отводов и самоотводов при рассмотрении судебных дел // Официальный сайт Тындинского районного суда Амурской области. URL: http://tindinskiy.amr.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=442.

субъективизма со стороны судей и, как следствие, произвола.

В этой связи нас удручило предложение автора данного Обзора ввести штраф за заведомо необоснованное заявление отвода судье как проявление неуважения к суду. Учитывая проблемы практики в оценке оснований отвода, а также статистику, которую привел сам автор (районными судами удовлетворяются 9,1 % отводов, а верховными судами республик, областных, краевых и равными им судами второго звена общей юрисдикции еще меньше — 5,8 %), получается что более 90 % заявителей отводов потенциально ставятся под угрозу наложения штрафа. Скажем больше: под угрозу ставится реализация права участника процесса высказывать свое недоверие к суду и его составу и, соответственно, право на рассмотрение дела беспристрастным и независимым судом, гарантированное нормами международного права (ч. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950).

История отечественной юриспруденции знает случаи, когда недоверие к суду по определенному основанию судебная система не признавала, за что сейчас вынуждена каяться перед мировым сообществом и менять судебную практику на 180 градусов. Пример — заявление отвода, обусловленного недоверием к судьям по мотивам корпоративной солидарности с фигурантами процесса — судьями. Ранее отводы и самоотводы судей по таким основаниям не принимались, и Верховный Суд РФ даже публиковал свои решения для всеобщего ориентира.

Так, Кировский районный суд г. Ярославля удовлетворил ходатайство представителя потерпевшего и направил дело в Верховный Суд РФ для решения вопроса о передаче дела в суд другой области. Свое решение он мотивировал большим общественным значением дела в связи с тем, что затронуты интересы потерпевшего Н., работавшего главным редактором Ярославской областной газеты, а также интересы обви-

няемого Б. — генерального директора крупной фирмы, являвшегося мужем судьи Ярославского областного суда. При таких обстоятельствах, по мнению судьи, дело не могло быть объективно рассмотрено ни в одном районном суде Ярославской области. Данные обстоятельства суд посчитал подпадающими под понятие «иные обстоятельства» как основание отвода судьи. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 15 июня 1999 г. дело направила на новое судебное рассмотрение, усмотрев в изменении территориальной подсудности нарушение ст. 19 Конституции РФ, установившей равенство граждан перед законом и судом. Было отмечено, что судья не указал на конкретные «иные обстоятельства», персонально касающиеся судей, рассматривающих дело. Верховный Суд РФ обозначил, что часть 3 ст. 59 УПК РСФСР, устанавливающая «иные обстоятельства», применяется при решении вопроса об отводе, заявленном конкретному судье, а по делу такого отвода каждому судье заявлено не было⁹.

Эту позицию Верховный Суд РФ последовательно проводил в жизнь, притом что многие судьи понимали щекотливость ситуаций рассмотрения дел, в которых прямо или косвенно затрагивались интересы их коллег, и старались решить этот вопрос передачей дела на рассмотрение в другой регион. Примером может служить судебный казус из Обзора надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, который также был приведен как пример незаконного судебного решения. Постановлением председателя Верховного суда Республики Марий Эл предложено передать дело Ф., ранее работавшего председателем Йошкар-Олинского городского суда, для рассмотрения в другой областной суд, поскольку рассмотрение данного дела судьями Верховного суда Республики Марий Эл могло вызвать у лиц, заинтересованных в деле, сомнения в их объективности и беспристрастности. Это постановление Судебной коллегией было отменено

⁹ См.: Федорин В. Е. Объективность и беспристрастность профессиональных участников уголовного судопроизводства : монография / под ред. д. ю. н., проф. В. В. Трухачева. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 91–92.

с указанием, что изложенное не может служить основанием для изменения подсудности уголовного дела, если не установлено предусмотренных ст. 59 УПК РСФСР обстоятельств, устраняющих судью от участия в рассмотрении дела¹⁰.

Возможно, эту позицию Верховного Суда РФ и до сих пор воспринимали бы как руководство к действию, если бы не вмешательство ЕСПЧ. За ее проведение в жизнь Россия обязана выплатить 5 тыс. евро согласно решению от 09.01.2018 по делу А. Ревтюка против РФ (жалоба № 31796/10).

Кратко изложим обстоятельства. Александра Ревтюка в 2009 г. арестовали по подозрению в сексуальном насилии в отношении дочери судьи Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга (в прошлом — его председателя), работавшей помощником в этом же суде. Ревтюка заключили под стражу судьи того же суда. Заявление отвода судьям, принимавшим решения о заключении под стражу и его продлении, не дало результатов. В ходе судебного разбирательства Ревтюк вновь заявил отвод составу суда, настаивая, что и в досудебном производстве судьи не были беспристрастными, поскольку потерпевшая с ними связана. Василеостровским районным судом отвод был удовлетворен, а дело в итоге рассмотрел Петроградский районный суд.

Проблема обеспечения доверия к составу суда, как мы указали в начале статьи, значима не только применительно к судьям, но и к иным профессиональным участникам уголовного процесса.

Важно, чтобы обвинение также было беспристрастным и объективным. Поэтому и заявление о недоверии к прокурору должно быть предметом пристального внимания со стороны

суда. К сожалению, Конституционный Суд РФ в отношении ситуации конфликта подсудимого с прокурором занял абсолютно категоричную позицию об отсутствии оснований для отвода¹¹. На наш взгляд, такая безапелляционная правовая позиция нивелирует нюансы, уникальность каждой процессуальной ситуации, которая нуждается в индивидуальном подходе и разрешении. Поводы для недоверия к прокурору у подсудимого могут быть разные, например, как и в случае с судьями, корпоративная солидарность. Однако, как было ранее с судьями, перспектив добиться в такой ситуации отвода прокурора практически нет. Так, Владимир Бикусов, ранее осужденный за избиение старшего помощника прокурора Балашова Дмитрия Бурминова, в ходе судебного разбирательства заявил отвод гособвинителю, помощнику прокурора Владимиру Максимову, указав, что тот — подчиненный одного из прокуроров, который был свидетелем в предыдущем судебном процессе. Кроме того, прокурор тесно общается с Дмитрием Бурминовым — потерпевшим по другому уголовному делу. Подсудимый просил передать дело в Калининский суд, по месту своей регистрации. В отводе прокурора ему было отказано¹².

Что касается обеспечения доверия в отношениях обвиняемый-защитник, на первый взгляд, никаких проблем не должно быть. Подсудимый может расторгнуть соглашение с адвокатом, а также имеет право отказаться от защитника по назначению. Но на самом деле проблема существует, и достаточно острая, поскольку, пользуясь положением ч. 2 ст. 50 УПК РФ о том, что отказ от защитника не обязателен, такой отказ не удовлетворяют, если он не обусловлен обстоятельствами, исключающими участие в производстве по делу (ст. 72 УПК РФ). Учитывая,

¹⁰ Обзор надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2000 год // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/files/10785/>.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2016 № 1121-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рогозина Ивана Валерьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой и частью второй статьи 61, частью первой статьи 62 и частью первой статьи 66 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹² Взгляд-инфо. Новости Саратова и области. URL: <https://www.vzsar.ru/news/2018/11/16/izbienie-rosqvardeyca-vladimir-bikysov-potreboval-otvoda-prokyrora.html>.

что перечень оснований отвода закрыт, отказаться от адвоката по назначению по мотивам недоверия к нему, обусловленного какими бы то ни было основаниями (конфликт, ненадлежащее оказание помощи, некомпетентность и пр.), практически невозможно¹³. В этой связи интересно дело по обвинению М. Дикина и А. Дикина в организации покушения на предпринимателя О. Сорокина. Судья нижегородского областного суда Н. Чинякова три раза отказывала подсудимым в удовлетворении отказа от назначенных им адвокатов. Помимо всего прочего, в качестве обоснования заявленного отвода адвокатов прозвучал тот факт, что с адвокатом Н. Фроловичевой у А. Дикина сложились личные неприязненные отношения 20-летней давности. Последнее обстоятельство Н. Фроловичева подтвердила и заявила о возможности своего отвода. Отвод поддержали М. Дикин, его адвокаты А. Гузев и И. Караваев, а также потерпевший А. Новосельцев. Прокурор, потерпевший О. Сорокин и его адвокат возражали, ссылаясь на то, что Уголовно-процессуальный кодекс не предусматривает отвод адвокатов в случае их неприязненных отношений с подзащитным¹⁴.

Очевидно, что нежелание А. Дикина видеть в качестве защитника Н. Фролович было в принципе обоснованным, уже сам факт, что с течением времени этот конфликт не забылся, говорит о его значимости для обвиняемого. Вряд ли в этой ситуации можно ожидать квалифицированной помощи со стороны адвоката хотя бы потому, что она практически невозможна без согласованной, слаженной работы адвоката с доверителем, без знания адвокатом обстоятельств дела со всех сторон, в том числе и с позиции доверителя и т.д. На наш взгляд, не следует игнорировать в таких случаях мнение обвиняемого и

рассматривать его нежелание получать помощь от конкретного адвоката как личную прихоть. Тот, чья судьба решается в ходе уголовного судопроизводства, не должен принуждаться к тому, чтобы вверять свою защиту лицу, к которому у него есть обоснованное недоверие.

Поэтому вопросы об отводе адвоката также должны решаться с точки зрения учета позиции доверителя. Однако ей никакого юридического значения не придают настолько, что она традиционно даже не упоминается Верховным Судом РФ при опубликовании своей практики для всеобщего ориентира. Приведем в качестве примера дело Лукина. Архангельский областной суд усмотрел нарушение требований ст. 67 (1) УПК РСФСР в том, что защиту Лукина осуществлял адвокат Коростелев, который в 1980 г. при осуждении Лукина по ст. 103 УК РСФСР являлся государственным обвинителем. Отменяя определение областного суда, кассационная инстанция указала, что участие в деле в качестве защитника адвоката, который ранее работал прокурором и в связи с этим поддерживал обвинение в отношении этого же лица, но совершенно по другому делу, не является нарушением требований ст. 67 (1) УПК РСФСР¹⁵. Для нас очевидно, что ключевым юридически значимым фактором в данной ситуации должна была стать позиция подсудимого о том, доверяет ли он адвокату и согласен ли он на осуществление защиты именно им. Однако мнение подсудимого даже не было обозначено в опубликованном обзоре практики как не играющее никакой роли.

Приведенные примеры, как и многие другие изученные нами ситуации, свидетельствуют о том, что обоснованное недоверие как основание отвода не получает надлежащей правовой оценки и не несет зачастую тех правовых по-

¹³ Об актуальности этой проблемы свидетельствует то, что в прошлом году она поднималась вице-президентом ФПА РФ Геннадием Шаровым на конференции адвокатов (см.: Шаров Г. Принуждение к реализации субъективных прав недопустимо // Двойная защита и удаление адвоката из судебного процесса: проблемы законодательного и этического регулирования : сборник материалов к конференции. М. : Федеральная палата адвокатов, 2019. С. 7–12).

¹⁴ Агентство политических новостей (АПН) Н. Новгород. URL: http://www.apn-nn.ru/event_s/5874.html.

¹⁵ См.: Обзор практики Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел в кассационном и надзорном порядке в 1992 году // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 6. С. 15.

следствий, которые в действительности предусмотрены законом. Между тем реализация права на отвод в тех ситуациях, которые дают основания для сомнений в беспристрастности, необъективности и предвзятости лиц, осуще-

ствляющих процессуальную деятельность, является важным компонентом реализации воспитательной функции уголовного процесса, гарантией вынесения приговора законным составом суда.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. В. И. Радченко ; под ред. В. Т. Томина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 1999. — 730 с.
2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный). — 3-е изд. / под общ. ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. — М. : Юрайт-Издат, 2007. — 1158 с.
3. *Нефедьев Е. А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. — М. : Типография Императорского Московского университета, 1909. — 402 с.
4. *Федорин В. Е.* Объективность и беспристрастность профессиональных участников уголовного судопроизводства. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 176 с.

Материал поступил в редакцию 3 июня 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kommentarij k Uголовno-processual'nomu kodeksu RSFSR / otv. red. V. I. Radchenko ; pod red. V. T. Tomina. — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Yurajt, 1999. — 730 s.
2. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Uголовno-processual'nomu kodeksu RF (postatejnyj). — 3-e izd. / pod obshch. red. V. M. Lebedeva, V. P. Bozh'eva. — M. : Yurajt-Izdat, 2007. — 1158 s.
3. Nefed'ev E. A. Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva. — M. : Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, 1909. — 402 s.
4. Fedorin V. E. Ob"ektivnost' i bespristrastnost' professional'nyh uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva. — M. : Yurlitinform, 2016. — 176 s.